

Дмитрий Данилов

Свидетельские показания

Пьеса

Человек выпал из окна своей квартиры и разбился насмерть. Случайно ли он выпал, или намеренно, или его выбросили – неизвестно. Реплики персонажей – ответы на вопросы невидимого в спектакле следователя, расследующего это дело. Реплики персонажей предваряются указанием их половой принадлежности: мужчины (М) и женщины (Ж).

Ж: Это из двести пятнадцатой который? Знаю, конечно. Разбился?! Да вы что?! Из окна?! Господи! Господи! Горе-то какое! Молодой совсем! Вот горе-то! Это что же... самоубился? Сам, что ли? Ну мне-то откуда знать. Я вот только от вас узнала. Господи... Ну как знаю. Ну, все время вижу его. Видела. Здороваемся. Здоровались, да. Такой вежливый всегда, улыбается. Впечатление? Хорошее впечатление. Хороший парень. Всегда такой, знаете... как здоровье спросит, как дела. Обходительный. Аккуратный такой, опрятный. Ох, горе, горе какое... Ну надо же! Молодой, здоровый, чего не жить-то... Да вроде один. Всегда одного его видела. Дома была, один раз. Мы подписи собирали, шлагбаум во дворе поставить. Я квартиры обходила. Открыл, говорит, проходите, пожалуйста. Пригласил на кухню, чаю предложил. Ну, я не сидела у него. Подписал, и я пошла. Дома чистенько, порядок. Машина? Вот даже не знаю. Не видела, чтобы он на машине подъезжал. Вот не знаю. Может, и была. Не буду врать, не знаю. А насчет шлагбаума у нас все подписывали, там неважно, есть машина, нет. Все жильцы должны за или против подписать. Да. Хороший парень, жалко как, а. Ну что же это такое. Ну как же так можно. Молодой, здоровый, жить и жить. Да, конечно, звоните. Я тоже людей поспрашиваю, может, кто знает, мало ли. Да, конечно. Обязательно позвоню, если что. Ох, вот горе-то какое.

М: А, этот... соседка моя. Понятно. Вы знаете, я чё-то не удивлен. Да он мутный какой-то чел был. Да нет, не общались, не дружили. Чего там дружить-то. Нет, не знаю. Так, сталкивались пару раз. Помню, ходил к нему, музыка у него орала ночью. Музыка какая-то дикая, я такую и не слышал никогда, страшная. Звоню, он открывает, я говорю: чё у тебя тут музон орет, давай вырубай. Он такой стоит, смотрит на меня молча, бледный, как смерть. Как-то нехорошо бледный, не как от алкоголя, а от чего похуже. Потом пошел молча в комнату, убавил звук, возвращается: так нормально? Ну, нормально. В квартире видно, что бардак, грязь. Пока стояли, по коридору баба какая-то голая прошла, нормально вообще. Прошла так, на меня даже не взглянула, как будто так и надо. Да, пару раз такое было. Вот еще, помню. Выхожу из квартиры, и он тоже выходит. Ну я ему: здорово. А он молчит. Едем в лифте, я говорю: а чего не здороваемся, а? А он такой: мы не в деревне, чтоб со всеми здороваться. Прямо хотелось ему по дыне настучать. Не в деревне он. Не стал связываться. Ну в общем, мутный такой кекс. Нет, не знаю. Ну вот бабу какую-то видел тогда, а так, чтобы постоянно с кем-то – нет, не видел. Обычно один. Нет, ничего не знаю. Больше не общались. Да, хорошо. Ну я вряд ли что-то узнаю. Меня не касается, не мое это дело. Но если что, позвоню.

Ж: Да вы что?! Ужас какой. Нет, не знала. Кошмар вообще. Ну надо же. Нет, совсем не общались, никогда. Так, здрасте-здрасте, и все. Знаете, как сейчас принято. Живут люди рядом годами и друг друга не знают. Нет, ничего такого не припомню. Обычный такой с виду человек, ничего особенного. Знаете, вот даже не знаю. Не обращала внимания никогда. Да не за что, видите, мне и сказать-то нечего. Ужас, ужас какой.

М: Да, конечно, знаю. Работал он у нас. Где-то месяц назад уволился. Да обычным менеджером по продажам. А что случилось? Ого. Да... Ну, что сказать. Мрачно. Ну что вам про него рассказать... Это немного странная история. Я его, можно сказать, по блату взял. Хотя, конечно, по блату обычно на такие обычные должности не берут. Сам не очень понимаю, что это было. Короче, меня один знакомый попросил его пристроить на работу. Ну, понимаете... долго объяснять, короче, я этому знакомому кое-чем обязан был. Помог

мне сильно в одном деле. И вот он попросил: можешь к себе человечка пристроить? Просто менеджером. Ему как бы надо. Парень нормальный, говорит, проблем не будет. Ну что, я пристроил. Не очень понятный был человек. Я когда в его трудовую глянул, так прямо прифигел. Чего там только нет! Куча работ, нигде долго не задерживался, все в разных областях, и руководящих пара должностей, и дворником работал, в общем, это не то, что человек карьеру делает. Я его спросил, почему так, ну, он как-то ушел от ответа, типа, вот так жизнь покидала. Вообще-то, с таким резюме я бы просто так, с улицы человека не взял бы. Но тут особый случай. Да и опыт работы продажником у него был, так что не было оснований его не взять.

Знаете, он нормально работал. Действительно, проблем с ним не возникало, не косячил. Инициативу особо не проявлял, в бой не рвался, но все, что нужно, делал, план выполнял. Всех постоянных клиентов отслеживал, с документами порядок, отчетность, все вот это – тут вопросов никаких не было. Ну, а что в бой не рвался... Ну такой человек, наверное. Я, честно, не очень понял, зачем ему эта работа была нужна. Денег мало, ничего особо интересного, карьера его, я говорил, не интересовала, судя по всему. Не знаю, не знаю. Но, с другой стороны, не мое дело. Ему для чего-то нужно, а мне главное было хорошему человеку помочь, тому моему знакомому, ну я говорил.

Странного?.. Да вроде странного особо ничего не было. Хотя, вот все, что я сказал, это уже довольно странно. Вот, кстати, знаете, что странно было? Он иногда на работу приезжал на Audi A6. Вы же понимаете, что простой менеджер по продажам не может себе такую машину позволить. Вот знаете, это мне больше всего не понравилось. Я вот этого не понимаю, не люблю, когда вот такое несоответствие. Если ты менеджер по продажам, то купи себе «солярис» в кредит и езди на нем. Не люблю я вот этого, когда непонятно. Ездит на шестой ауди, работает менеджером за пятьдесят тысяч. Ну я не стал в душу лезть человеку. Мало ли. Мне главное, чтобы по работе косяков не было. Нет, он месяц назад уволился, проработал где-то года полтора. Просто уволился, говорит, планы изменились, семейные обстоятельства, надо уехать. Нет, не говорил про обстоятельства. Вообще не объяснял. Просто написал заявление, отработал, сколько положено, и всё. Как человек? Да трудно сказать. Нормальный парень, спокойный такой. Пришел, отработал, ушел. Никак себя особо не проявлял. Нет, не скандалил, нет, вообще ничего такого не было. Да вроде нет, никакой особой мрачности не замечал. Ровное настроение. Ну вот никак себя не проявлял с человеческой стороны. Просто работал, и все. Ни просьб не было, ни жалоб. Нет, конфликтов тоже не было, не припомню, чтобы что-то такое. Серединки держался. Вот это мне в нем нравилось. Проблем не доставлял. Про личную жизнь ничего не знаю. По анкете не женат. Ничего такого с ним не обсуждали. Да он не особо открытый человек был, прямо скажем.

Про того моего знакомого? Вы знаете, мы уже давно не общались. Ну, вряд ли у вас получится с ним поговорить. Он в Америке живет, несколько лет уже. Давайте я вот вам напишу его координаты, вот почта у него, а телефон только московский знаю, попробуйте, может, ответит.

Ну вообще, конечно, огорошили вы меня. Надо же. Нормальный вроде парень, и вот такое. Жаль, жаль его. Молодой совсем.

Ж: Ну еще бы, конечно, знакома. Мы работали вместе, вот за этим столом он сидел, рядом. Недавно уволился. Так пока на его место никого и не взяли. А что? Случилось что-то? Ой! Ой, да как же это?! Господи! Ну как же... Ммм... Ну быть не может. Такой парень хороший! Ну что же это, а? Вы знаете, мы только по работе общались. Вот, соседи были, рядом сидели. Очень хороший человек. Подсказывал мне, помогал, он опытный был, а я только начинающий менеджер. Знаете, такой обаятельный, улыбка такая открытая. Всегда готов был помочь. Был... ох, ну как же так... Да, такой приятный человек. Всегда подскажет, поможет. Когда за кофе ходил к автомату, всегда говорил: тебе взять? Конфликты? Да вы что! Какие конфликты? Он милейший человек был. Знаете, светлый

такой человек. Никаких конфликтов ни с кем не было. Его все у нас любили. Да нет, только по работе. А так нет. Да я замужем, нет, ничего такого, никакой романтики. Да он никогда и не пытался что-то такое. Всегда так вежливо общался. Никаких там, знаете, намеков, как бывает. Чувство юмора у него такое было! Все время шутил, настроение поднимал. А голос какой! У нас фирма небольшая, корпоративов каких-то особых нет, но перед праздниками обычно стол накрываем, ну так, посидеть, выпить, отметить. Ну, бывало, выпьем, петь начнем. Как он пел! «Ой да не вечер да не вечер», «Не для меня», «Черный ворон», ну и разное там. Заслушаешься! Певцом мог бы быть. Да нет, как-то не замечала. Всегда в хорошем настроении был, шутил, улыбался. Вот не знаю, почему уволился. Я спрашивала, говорил уклончиво, надо, мол, паузу сделать, есть один проект. Как-то не объяснял.

Нет, ничего про это не говорил. Я даже не знаю, женат он был или нет. Вот ничего не знаю. Да, видите, как получается. Ну да, открытый такой. А как-то ничего не знаю про него, получается. Да, странно, ну не знаю.

Ох, ну как же так, ну что же это такое творится. Молодой хороший парень, и вот так. Как я теперь работать буду сегодня, я не знаю.

М (*по телефону*): Да, слушаю вас. А откуда у вас мой телефон? А, понятно. И что? Погиб... М-да. Ну, что тут скажешь. Царство Небесное. Были знакомы по одной работе. Это давно было. Попросил помочь, я помог. Нет, не видел все это время. Ничего не знаю. Знаете, мне больше сказать нечего. Нет, возвращаться не планирую. Занимаюсь бизнесом, а вообще вам-то что? Всё, до свидания. А зачем звонить? Не надо звонить. Все, что я мог сказать, я сказал. До свидания.

Ж: Ну да, знаю. Работал у нас. Да? Ох... ну надо же. Ну вообще. Нет, ничего не знала. Мы особо не сталкивались, отделы разные. Да какие отношения, практически никаких. Он ни с кем толком не общался. Замкнутый такой. Все вопросы только по почте и скайпу решал, у нас скайп корпоративный, вот он по нему переписывался. Никогда не позвонит, не подойдет. Помню, я ему один раз позвонила, надо было уточнить что-то, а я не люблю вот это, переписываться, там, мне позвонить проще, вот, я позвонила, а он – что вы звоните, можно ведь написать, знаете, почти наорал на меня. Типа, я его побеспокоила. Вообще, знаете, не очень приятный человек был, если честно. Грех так говорить про умершего. Но вот так, да. Помню, один мой отчет через него проходил, там в экселе столбцы в таблице у меня поехали, а я не заметила. Так он мне написал, что у меня, типа, с головой не в порядке. Не, ну не прямо так написал, как-то витиевато, он вообще так выражался. Как-то так, типа, если человек в моем возрасте не смог освоить эксель, то у него умственные способности не очень. Оставляют желать лучшего. Да, вот так вот мне нахамил. В неформальной обстановке? Да мы не общались в неформальной обстановке. Какая у нас тут неформальная обстановка? Пришел, поработал, ушел. Когда праздники отмечаем, я обычно бокальчик вина выпью и ухожу, не люблю я все эти посиделки. Так что не знаю, как он там себя вел. В общем, жалко, конечно, парня. Даже не знаю, что еще сказать.

М: Работал у нас, да. Недавно уволился. Из окна? Офигеть. Вообще. Да нормальный парень. Работал нормально. Проблем никаких вроде не было. Да он не рассказывал. Вот не знаю, не знаю. Мы мало общались. Ничего толком про него не знаю. Нет, конфликтов не было. Спокойно работал, ровный такой чувак. Нет, ничего такого не слышал. Тачка? Да, тачка крутая. Не знаю. Я его спросил как-то, мы отмечали что-то, день рождения, что ли, не помню, рядом сидели, ну, выпили, я спросил: откуда у тебя такая тачила? А он такой типа – приятель покатайся дал, и ржёт. Хрен знает. Да, вот это непонятно. А так – ничего особенного. Сидит, работает. Обычный парень. Да не за что.

Ж: Погиб?! Из окна?! *(Долгая пауза)* Сейчас, подождите. Сейчас. Из окна. Сейчас, сейчас, вы извините. Я как-то это. Надо как-то... да. Мммм. Из окна. Да. Ладно. Да, знала. Ну что значит знала, мы вообще-то жили с ним. Да, у него. Года полтора где-то. Нет, не женаты, просто жили. Нет, не собирались. Он не предлагал. Да и я не особо стремилась. Давно уже расстались. Сейчас... весной пятнадцатого, да. Мать моя в больницу попала, надо было с ней сидеть, уехала к ней в Пензу, ну и, в общем, не вернулась уже, все на нет сошло. Потом, когда в Москву вернулась, вещи забрала. Да нет, спокойно все было. Так, разошлись, и все. Да как пережил? Я думаю, нормально пережил. Думаю, не страдал особо. Не звал, не скандалил, ничего. Отношения... ну, как бы вам сказать. Это не был какой-то бурный роман или что-то такое. Так, познакомились, он интересный человек... был. Был интересный человек. Даже, наверное, хороший. Познакомились, прибились друг к другу, можно сказать. Я комнату снимала, он предложил у него жить. Познакомились на работе моей. Я в книжном магазине работала продавцом, он к нам заходил часто. Магазин называется «Шкловский». Небольшой магазин. Интеллектуальная литература. Так и назывался – магазин интеллектуальной литературы «Шкловский». Филология, история, философия. Художка всякая, типа, не для всех. Хороший на самом деле магазин. Он к нам часто ходил, спрашивал про книги, болтали с ним. Болтали, болтали... а потом я стала у него жить. Так бывает. Да, по этому адресу. Это он оттуда? *(Долгая пауза)* Сейчас... что-то я... извините. Вот. Что вас еще интересует? Отношения? Ну слушайте, ну что я вам, про любовь буду рассказывать? Я ж говорю, отношения были, ну такие... да нормальные были отношения. Жили, жили. Почему не пожить с неплохим человеком? Раз есть такая возможность. Слушайте, ну что значит по расчету?! Ну вы вообще чего? Вы следователь или кто?! Или психолог, может быть? По расчету замуж выходят за богатых, а не живут вот так... Кстати, деньги у него были. Нет, жил обычно, деньгами не сорил, квартира обычная. Не было, там, ресторанов, подарков – ничего такого. Но деньги были. Он мне даже предлагал с работы уйти, говорил: зачем тебе за эти копейки работать, деньги, мол, есть, не проблема. Ну конечно копейки, а вы что думали. Это же маленький магазинчик, книги эти мало кому нужны. Еле выживали. Но я не стала уходить. Не хотела. Не знаю, может, и не доверяла. В общем, деньги были у него. Когда мать заболела, он мне деньги предлагал на лечение. Но я не стала брать. Уже тогда решила, что не вернусь. Да и родственники помогли. Я пыталась выяснить, откуда деньги, но не знаю, откуда. Он не объяснял. Шутил про трудовые сбережения. Занимался он ничем. Вернее, нет, занимался, конечно. Он роман писал. Да, вот так – роман. Ну, знаете, писатель – это у кого книги выходят, кого печатают, гонорары, там. Известность какая-то. Ну хоть что-то должно быть. А там ничего не было. Просто – писал роман. Да ладно бы хоть написал. Это все тянулось, тянулось. «Я пишу, я пишу». Все это время писал, но так ничего толком и не написал. Какие-то фрагменты. Переписывал все время. Да, показывал. Знаете, вообще-то он... вообще он хорошо писал. То есть, умел писать. Вот эти вот куски его – они интересные были. Я хороший текст от плохого могу отличить. Ну как вам сказать... В Лите училась. В Литинституте. Литературный институт. Нет, я ничего не пишу. Слушайте, ну какая разница, пишу я, не пишу. Да, вот так он всю дорогу, все это время писал этот свой роман. Если честно, раздражало, да. Вот эта вся атмосфера. Показывал мне и ждал, с таким лицом. Ждал, что я восторгаться, что ли, буду. А меня, честно, задалбывало вот это вот болото. Пишет, пишет, а ничего толком и не пишет, ничего не двигается. Ну да, говорила. Да никак он не реагировал. Начинал почему-то ржать, это, знаете, странно было. А больше ничего, не ругался. Нет, не ругались. Он такой, спокойный... был. Спокойный был парень, не агрессивный. Ну и вот это все как-то накапливалось, раздражение, и то, что ничего никуда не движется, ни роман этот, ни отношения, ничего. Ни интереса какого-то с его стороны, да и с моей тоже. Просто все закончилось, и все. Нет, как забрала вещи, больше не виделись. Позвонил потом один раз, с Новым годом поздравил. Нет, нормально, веселый такой, видно, бухнул уже. Выпить любил, да. Но так, не сильно. Ну, бывало, конечно, напивался. Ночью накидается, врубит

музыку какую-нибудь погромче, металл там всякий норвежский, и сидит, балдеет. Соседи ругались. Но зато утром – как огурец. Так что пил в целом в меру. Не особо часто. Нет, наркоты не было. Не знаю, что еще вам сказать. Не хочу я ничего говорить. Знаете, все-таки, жили вместе. Я как-то плохо сейчас соображаю, трудно мне. Да. Так что если конкретные вопросы есть, задавайте, а так мне рассказывать нечего. Машина – да, была. Я в них не разбираюсь. Ну откуда я знаю. Они для меня все одинаковые. Едет, и ладно. Я не знаю, чем дорогие машины от дешевых отличаются. Я ездила на ней, наверное, пару раз всего. Вроде, большая. Не помню. Да мне все равно. Да как я что-то о нем узнаю, ну вы сами подумайте. Ну давайте, давайте свою визитку. Пусть лежит. До свидания.

М: Знаю, но не близко. Видел считанные разы. Больше в интернете общались. А что? Что-то случилось? Ох. Да... А это что, самоубийство? Меня спросить... Ну, мне-то откуда знать. Вообще, ужас, конечно. Я его знаю по литературной части. Как писателя. Да, я тоже. Пишу, да. Ну мы в интернете познакомились, давно еще, в ЖЖ. В Живом Журнале. А потом и так познакомились. Но мы редко виделись. Ну, несколько раз. На каких-то литературных мероприятиях. Да я уж не помню точно. Он редко ходил, не тусовался. Нет, близко не общались. Он не тусовочный был, не стремился. То, что я помню – ну, придет, посидит, послушает. Потом, когда все выпивать начинают, выпьет пару рюмок и уйдет. Но его многие знают, ну, в нашем кругу. Как говорят, широко известный в узких кругах. Ну, как вам сказать. Успешным я бы его не назвал. В смысле, если вы про тиражи, книги. Ну какой успешный. Только одна книжка рассказов у него вышла, маленькая, в маленьком издательстве. Тираж какой-то мизерный. Еще что-то в журналах было, вроде. Но его все равно знают многие, читают. Он в фейсбуке вывешивает, вывешивал. Ну, в общем, да, это не особый успех. Да, он неплохой писатель. Даже хороший. Интересно он писал. Заковыристо так. Я, если честно, не всегда сам понимал, что вообще он пишет, как-то чересчур наворочено иногда. Но вообще он интересный, да. Да ну бросьте вы, из-за этого из окна кидаться?! Да у нас таких хороших, но неуспешных, – как грязи. Знаете, я, если уж честно, себя тоже особо успешным не назову, у него одна книга, а у меня три, ну и что? Толку-то от них. Никто все равно не читает. Возмись в песочнице своей. Так уж, если почестному. Нет, хотелось бы, конечно, большего. Всем хочется. Чтобы тиражи, там, большие издательства, премии. Чтобы зарабатывать что-то этим, литературой. Все хотят, но мало кому удается. Это надо уже совсем на голову больным быть, чтобы из-за этого. Ну я говорю, я мало его лично знал, но не производил впечатления больного. Нормально себя вел. И в интернете, и в реале. Да какие там враги, ну сами подумайте. Из-за чего ему и с кем враждовать? Автор одной книжки маленькой. Какие у него враги? Ни с кем вроде не конфликтовал. Роман писал? Нет, ничего про роман не слышал. Только рассказы читал. Да нет, ничего странного, вообще ничего. Да, конечно, обращайтесь, если что.

Ж: Как-как, еще раз? Что-то не припоминаю. Ммм... Подождите. А! Да, вспомнила! Да, был такой. Забавный персонаж! Погиб? Ну надо же. А как погиб-то? Ну вот, я всегда подозревала, что за этим всем наигранным оптимизмом стоит что-то не то, то ли трагедия какая-то, то ли патология. Да, большой оптимист был, прямо лучился. Рассказывать особо нечего. Все очень просто и немного смешно. Вернее, много. Очень смешно. В общем, познакомились мы на книжной ярмарке. Прошлой весной. Я работаю в издательстве, которое специализируется на книгах по психологии успеха, саморазвитию, личностному росту, вот это вот всё. Выпускаем всякую такую ересь и бред. Вперед к успеху, больше осознанности, твои возможности, человек. Я там редактором работаю, литературным. Функции? Да просто сделать из нечитаемого сумбура что-то, что можно было бы хоть как-то читать. Ничего интересного. Если честно, тупо ради денег и выживания. И вот у нас на книжной ярмарке был стенд, начальство попросило на стенде поработать. Ну, как поработать – там делать ничего особо не надо было, там торговали наши продавники, а я так, на всякий случай, если кто-то про книги будет спрашивать, ну, там,

проконсультировать, на вопросы ответить. Народу мало было, так что мы там больше кофе пили, чем работали. И вот мы с ним на стенде и познакомились. Пришел и начал расспрашивать про книги. Самый заинтересованный посетитель стенда за всю ярмарку. Такое ощущение, что он про эти книги больше, чем я, знал. Всех авторов знает, восхищается. Это прекрасная книга, так мне помогла в осознании мешающих мне проблем, а это просто чудесная книга, она так помогает ставить цели. Обхохочешься. Ну, я ему поддакиваю, поддерживаю разговор. Выглядел он довольно диковато для книжной ярмарки. Абсолютно черный официальный костюм, без полосок, просто черный, как у охранников и похоронных агентов, белая рубашка и кричаще-красный галстук, тоже без рисунка, сплошной такой. И в руке – огромный коричневый «дипломат», я уже не помню, когда последний раз такие видела. В общем, несет он эту свою пургу, какие у нас прекрасные книги и как мы этими книгами меняем мир к лучшему, какие мы молодцы. Знаете, в этом что-то такое маниакальное было, такой какой-то дикий напор. Я уже думала, что он сейчас нам сам начнет что-то продавать. Но нет, продавать ничего не стал. Вообще, он как-то подуспокоился и перешел в более человеческий режим, начал меня расспрашивать про меня. Чем я занимаюсь, да почему, да как. Ну так, трёп. В принципе, в нем что-то симпатичное показалось. Или просто показалось, не знаю. Уже рабочий день заканчивался, и он меня пригласил в кафе посидеть. Там прямо внутри здания, где ярмарка, было кафе такое нормальное, ну, я из любопытства согласилась. Уж больно персонаж странный, заинтриговал. Пришли, сели, он сразу стал мне про ЗОЖ рассказывать, какой он его, ЗОЖа, сторонник. Говорит, что алкоголь вообще не употребляет, пьет только свежевыжатые соки и зеленый чай. И сейчас будет пить апельсиновый фреш и зеленый чай. А вы что будете, спрашивает меня? Я ему говорю, что если вы будете апельсиновый фреш и зеленый чай, то я возьму сто пятьдесят коньяка. Я, честно говоря, просто стебалась над ним. Ну и дальше был какой-то совершенно сюрреалистический разговор. Я спросила, чем занимается, он сказал, что бизнесом. Я пыталась выяснить, что за бизнес, но он все как-то уходил от прямого ответа. Говорит: это такой бизнес, связанный со здоровьем. Что, медицинский центр у вас, что ли? Нет, это, говорит, такой бизнес, новый совсем, который открывает каждому человеку безграничные бизнес-возможности. Может, сетевой маркетинг, спрашиваю? Нет, это вообще такой совершенно невиданный бизнес, но мы еще не открылись, ведется большая подготовительная работа. Ну и все в таком духе. Про саморазвитие толкал. Спрашивает: а у вас есть цели на неделю, месяц, год? Я говорю в том смысле, что каждый из нас может в любой момент помереть, и вообще, хочешь рассмешить Бога – расскажи Ему о своих планах, а он начал: вот, люди не хотят планировать, поэтому и не добиваются успеха, идут по жизни, как впотьмах, не видя цели и направления движения... Ну вот всё это. В таком духе. Это поначалу смешно и забавно было, но только поначалу. Утомил он меня своим неумеренным бодрячеством и оптимизмом. Тем более, что он начал ко мне уже вполне конкретно подкатывать – вы такая интересная женщина, а не могли бы мы продолжить в более приватной обстановке, давайте я вас провожу, это уже как-то не смешно было, а мерзко, в общем, я попросила вызвать мне такси, ну и на этом вечер наш закончился. На следующий день опять приперся к нам на стенд, опять в том же костюме и галстук, опять говорил про книжки наши и саморазвитие, но уже как-то поспокойнее. Потом попросил меня с ним на минутку тэт-а-тэт поговорить, мы отошли, он мне стал рассказывать, что пишет книгу о постановке целей (говорит, «работаю над книгой»), и ему просто необходимы советы такого опытного и умного редактора, как я, в общем, выпросил у меня телефон. И ушел. Потом звонил несколько раз, пытался встретиться, но я его вежливо посылала. Раза три, может быть, позвонил, потом перестал. Нет, не преследовал. Вот и все наше общение. Нет, больше ничего не было. Я вам всё рассказала, всю историю. Если это можно назвать историей. Больше ничего не знаю. Впечатление... Как вам сказать. Странное впечатление. Вроде, смешно и нелепо, но что-то странное в этом было.

Ну просто таких людей как бы не бывает. То есть, на самом деле таких. Это было, знаете, на что похоже? Как будто плохой актер пытается безуспешно освоить актерское мастерство. Нет, мне приходилось в жизни общаться и с фанатами ЗОЖа, и с адептами психологии успеха, и с сектантами тоже. Но тут что-то другое было, не знаю, как объяснить. Это не просто искусственность, а... Вот даже не знаю. Наверное, я просто усложняю. Просто вот такой человек. Чего в жизни не бывает. Нет, других странностей я не заметила. Мне кажется, я и так вам много разных странностей описала.

М: Да, это наш прихожанин. Ходит к нам в церковь. У меня исповедуется регулярно. Что? О Господи. Господи, Господи... Царствие Небесное. Суицид? Да... новость вы мне принесли. Ну давайте, задавайте, что делать. Ну вообще, конечно... да... Пойдемте, вон там присядем.

К нам в храм ходит где-то лет, наверное, пять. Довольно регулярно, мне трудно отследить, у нас приход большой, за всеми не уследишь, да и задачи такой нет, но я его регулярно вижу. Приходит, исповедуется и причащается. Теперь уже в прошедшем времени, к сожалению. Нет, в жизни прихода не участвовал, только на службы ходил. У нас многие так, это нормально. Не у всех время есть, и желание, и силы. Мы никого специально не вовлекаем. Хочет человек просто на службы ходить, причащаться, – пожалуйста. Я про него мало что знаю. Мы подробно никогда с ним не разговаривали. Когда только начал ходить, спросил его, кто он, чем занимается. Он не стал особо мне душу раскрывать, да мне и не надо. Семьи нет. Работа какая-то обычная, кажется, была. Менеджером, вроде. Если честно, я не помню уже. Вы же понимаете, сколько у меня людей через исповедь проходит. Если постоянно с человеком не общаюсь, не разговариваю, то я таких подробностей не помню. Вот, знаете, что он говорил на исповеди, я вам говорить не буду. Вы поймите правильно, у нас тайна исповеди существует. Не могу, не имею права как священник. Но я вам, знаете, что скажу. Вы напрасно думаете, что нам люди на исповеди какие-то удивительные вещи рассказывают. Бывает, конечно, но очень редко. В основном, одно и то же, одно и то же. Стандартный набор. Пьянство, обжорство, блуд, измены, разводы, рукоприкладство, обман, сквернословие. Аборты. Бабушки на детей, на внуков жалуются. Все одно и то же. Такой вот мутный серый поток. Стоишь в этом сером потоке, и он течет, течет мимо тебя. Очень редко, когда что-то такое особенное, какой-то изумляющий грех. Но знаете, что я вам скажу. Это хорошо, когда ничего такого особенного нет, когда вот этот серый поток. Когда вот такие обычные, обыденные грехи. Нет, это, конечно, плохо, очень плохо. Но вот смотрите, вы мне сообщили, что мой прихожанин покончил с собой. А если бы мне сейчас сказали, что нет, он не покончил с собой, он жив, он не выпрыгнул в окно, а просто квасил беспробудно всю неделю, блудил направо и налево, жрал, что ни попадя, на работе деньги украл и матерился через слово – так я бы, знаете, как радовался, я скакал бы от радости, как царь Давид скакал. Так что серый поток – это ничего, не так уж плохо. Ладно, что-то я отвлекся. Это к делу не относится. В общем, я в подробности вдаваться не буду, но ничего такого особенного я о нем не знаю.

Может, он не сам? Может, помог кто? Вот вы ведь расследуете, значит, не все еще ясно? Ну понятно. Ну вы меня, вообще, конечно, убили. Да... Как же так. Ну, что делать. Не первый раз такое.

Вы для себя спрашиваете? Да, за самоубийц нельзя. Ну, вернее, как. В церкви нельзя. Нельзя записки на Литургии подавать, панихиду заказывать. А частным порядком можно. Дома можно. Просто своими словами молитесь дома. Это можно.

Ж: Ну это прямо, знаете, как серпом. По сами знаете чему. Надо нам теперь что-то придумывать. Кого-то придумывать вместо него. Что-то придумаем, конечно. Но это удар, удар.

Он был наш топовый автор, стабильно входил в первую пятерку по тиражам во всем издательском доме, а в моей редакции был номер один, однозначно. Я вам точные цифры называть не буду, но скажу так: до миллионов, конечно, не доходило, но это были многие сотни тысяч. Детективщик, очень крутой, самый топ. Да вы слышали, наверняка, не могли не слышать. Александр Виват, автор знаменитой детективной серии. Ну я же говорю, должны были слышать. Вот, это он. Псевдоним, естественно. С его затертой фамилией без псевдонима никак. Да и в любом случае, он не хотел под реальной фамилией. Вместе придумывали. Перебирали разные варианты, он всё говорил, что надо еще более идиотский. В итоге сам такой придумал и очень потешался. Говорил, что более дебильного псевдонима на всем книжном рынке не существует. Да, ироничный такой парень был. Ну действительно, смешной псевдоним, как раз то, что нужно нашей аудитории.

Он самотёком к нам пришел. Просто прислал рукопись в издательство. Мы стараемся самотёк хоть как-то читать, хотя, там процентов девяносто пять – полный графоманский бред. А тут сразу обратил на себя внимание. Очень крепко, профессионально сделано. Прислал сразу два романа, под серию. Придумал двух сквозных героев – капитана Гарина и стажера Подушкина, ну, типа, матерый волк, герой без страха и упрека, и умный чудаковатый увалень. И все так ладно написано, крепко, сюжет, динамика, интрига – все супер. Просто вот то, что надо. Нашли жемчужину в навозной куче. Сразу с ним связались, подписали договор на серию. Ни разу не пожалели. Успех практически моментальный. В общем, это наша удача была. Стабильно выдавал по два романа в год. Писал сам, без негров. Это всегда видно. Всего на данный момент вышло девять книг, сейчас готовим еще две, дуплетом. Ну, теперь, значит, уже без него. Теперь с наследниками надо разбираться. Да, организовал нам хлопоты любимый автор. Зарабатывал он очень хорошо. Тем более, сериал ведь сняли по нему, там денег реально много было. Я сейчас цифры называть не буду, если вы официальный запрос сделаете, мы вам дадим информацию. Но это для писателя очень много. Можно жить очень, скажем так, неплохо. Как конкретно он жил, я не знаю. Мы лично особо не дружили. То есть, так, чтобы в гости, там, друг к другу ходить, семьями дружить. Вот совсем не знаю. Как человек – ну, как сказать. Очень деловой, четкий такой. Все аккуратно делал, все документы, обязательства, сроки – не придерешься. Такой, знаете, немного циничный. Может, образ просто такой. Все время с такой кривоватой ухмылочкой. Помню, когда только начинали с ним работать, прислали ему правки редакторские на согласование, а он прямо тут же ответил: печатайте, как хотите, хоть правьте, хоть не правьте, мне, мол, без разницы, главное, чтобы бабки капали. Вообще, всем своим видом показывал, что относится ко всему этому исключительно как к заработку. Наша редакторша одна, молоденькая совсем, как-то говорит ему, такая вся, с широко раскрытыми глазами: ой, как вы интересно пишете, просто потрясающе! А он ей: если вам это интересно, то я вам сочувствую. Да, вот так мог сказать. Но это, я думаю, больше имидж такой был. Давайте откровенно: то, что он писал, это, конечно, никакая не литература, в высоком смысле. Это ремесло. Он просто ремесленник был, очень крепкий, профессиональный ремесленник. И удачливый. И сам прекрасно понимал это. Я так думаю. Хотя, мы это с ним не обсуждали. Не думаю, что он писал еще что-то. Как вы говорите, для себя. Это вряд ли. Когда строгаешь такие вот детективы, такая профессиональная деформация наступает, что уже ничего другого не можешь писать. Хотя, конечно, все может быть. Но я в это не очень верю.

Работа? Ну, ему с его доходами было бы странно где-то работать. Но, знаете, он что-то говорил про какую-то работу. Было один раз. Он приходил договор очередной подписать, мы поговорили с ним, а у нас в тот день был банкет какой-то, я уж не помню, чествовали кого-то. Я его пригласила, а он говорит: да ну, мне завтра на работу с утра. Я обалдела: какая работа, ты с ума сошел, что ли? А он мне: да вот, изучаю жизнь в разных ее

проявлениях. Писатель, говорит, не должен отрываться от реальной жизни. И смеется. Даже не знаю, что это могло быть.

Ой, не знаю. Я ничего не слышала никогда о его каких-то проблемах. О конфликтах. Ничего не знаю. Вы уже поняли, что он не очень-то открытый человек был. Кстати, с этим у нас некоторые проблемы были. Например, наотрез отказывался от телевизора. Мог бы не вылезать из ящика, но нет – уперся, и все. Вообще, не хотел быть публичной фигурой. Почему – не знаю. Вот, сейчас поймала себя – часто говорю вам «не знаю». Вроде, долго с ним работали, общались, а вот так. Ну, мы в итоге эту его закрытость обратили себе на пользу, стали раскручивать его имидж затворника, о котором ничего не известно. «Загадочный Александр Виват». Типа как Пелевин. Нет, я его, конечно, не сравниваю с Пелевиным, но в этом смысле похожие пиар-стратегии.

М: Вот я как вас увидел, сразу почему-то подумал, прямо вот ёкнуло что-то, что пришли мне что-то про этого гаденьша сказать. Сообщить новость. Понятно. Сообщили. Ладно, давайте я вам все изложу, кратко, так сказать. Мы с его матерью поженились, когда он классе, кажется, в пятом был. Или в шестом. Не помню сейчас точно. Какая разница. Отец у него – бандит, убили на разборке. Ну, как тогда было, понимаете. Богатств после себя не оставил, все в казино просаживал. Вообще, это какой-то странный брак был – жена моя покойная была хорошая, тихая, интеллигентная женщина, он ее просто силой заставил за себя замуж выйти. А мы с ней хорошо жили. Можно сказать, душа в душу. Если бы не этот. Сразу меня возненавидел. Все время меня с отцом-бандюганом сравнивал. Как будто мстил мне за папашу своего. Говорил, вот отец мой был нормальный мужик, а ты чмо какое-то. Ну да, я что, простой преподаватель математики в пединституте. На джипах не ездил, в казино не играл. И вот он мне простить не мог, что отчим его не крутой. Отравлял жизнь мне. Да и матери. Нет, до мордобоя или чего-то такого у нас не доходило, просто презирал меня и не скрывал этого. Использовал любую возможность, чтобы свое отношение показать. Папашины наклонности сказались – еще в школе, в старших классах, начал каким-то образом зарабатывать, не знаю, чем. Деньги были. Мутил что-то. Когда деньги появились эти непонятные, еще больше стал презирать. Мать умерла, когда ему восемнадцать стукнуло. Снял квартиру. На похоронах ее мне сказал: ты мне никто, не звони, не лезь. Будешь лезть – на ноль тебя умножу. Наверное, в знак уважения к моему предмету так сказал. После похорон жены я его больше не видел. И больше ничего про него не знаю.

Одно только могу сказать: умный был. Этого не отнять. Учился блестяще, причем, без каких-либо усилий. Читал всегда много. Что было, то было. Ну, я так и думал, что ум его до добра не доведет.

Родственников близких у него, насколько я знаю, нет. Бабушек, дедушек, братьев, сестер – точно нет. Про мать и отца знаете. Жена, дети? Понятия не имею. Извините, больше ничего сказать о нем не могу.

Ж: Ой, какой ужас. Ну надо же. Да, помню. Интервью с ним делала. Для газеты нашей. Он встречаться не захотел, по переписке сделали. По почте. Я ему вопросы прислала, он мне ответил, потом еще созвонились, я уточнила что-то. Да ничего особенного. Обычные вопросы. Ну... как вы пишете, почему стали писателем, о чем будет ваша следующая книга. Да и ответы обычные. Ну, такие, с юмором, в общем. Ну и все. А, вот еще. Он меня подвел очень. Я попросила его свою фотографию прислать какую-нибудь, получше. Ну, он прислал фотку. Такой дядечка симпатичный, с бородкой такой. Какой, думаю, симпатичный писатель. Ну, мы интервью напечатали, и тут звонят из издательства, орут: что у вас там за фотография в интервью стоит?! Закатали скандал. Оказывается, это не он на фотке, а президент Франции Макрон. Ну а я, что, знаю? Я как-то не подумала проверить. В общем, они ругались страшно. Я ему написала письмо: как же вы так, зачем же вы, меня уволят ведь теперь. А он мне написал, что, типа, девушка, журналисту надо

быть умным и иметь кругозор. Но, кроме издательства, никто больше не заметил, ни одного письма не было. В общем, меня оштрафовали тогда прилично, но не уволили. Нет, больше ничего про него не знаю.

М: Я смотрю, господин следователь проводит опрос граждан. О том, что со мной случилось. Вот жаль, что я не могу связаться с господином следователем и сказать ему, как и что было. Так ему и придется опрашивать население, и потом, наверное, напишет там у себя: никаких признаков насильственной смерти не обнаружено, самоубийство. Ну, в принципе, так и есть. Просто сколько усилий затрачено. Я бы все объяснил. Но это невозможно. Нет связи, нет коммуникации. Это странно очень: я все вижу и слышу, но коммуницировать не могу. Не могу сказать господину следователю, что не надо людей допрашивать, не надо такую активность разводить. Что я просто – открыл окно, залез на подоконник... Ну, там много о чем можно рассказать. Как это все было, как происходил полет. Это, вообще, интересно было. Интереснее, чем вся, в общем-то, как бы это сказать, жизнь. Ну и как потом. Бабах! Потом дикая боль, ну понятно, с такой высоты упасть, тут будет боль. И вот боли нет. Прямо так, сразу. Тут еще можно было бы рассказать господину следователю о том, как думаешь, пока летишь, какой бы частью организма лучше удариться о Землю, о поверхность Земли. Но это, я так думаю, господина следователя не очень интересует. Его интересует, не было ли криминала, и как участвовали во всем этом разные люди, что они делали и что они думали. Ничего они не делали и ничего они не думали. Им было все равно. Да и ладно, и хорошо. Вообще, теперь интересно это все наблюдать. Вернее, как... Нет, не особо интересно. Висишь в пространстве и наблюдаешь. Люди суетятся, что-то делают. Интересно наблюдать собственные похороны, но тоже как-то нечего сказать. Знаете, скучно это все. Вот люди думают разное о загробной жизни, а это все, на самом деле, дико скучно. Ничего не происходит, и тебе все равно. Скука, скука. И я уже понимаю, что и дальше будет только сплошная скука. Но я вижу деятельность господина следователя. Что он всех допрашивает. Мне до него не достучаться. Мне не объяснить ему. Ничего мне ему не объяснить. Что скука пожирает нас всех. Что скука пожрала меня. Просто скучно очень стало всё, и всё. Нет, трудно, конечно, объяснить. Вроде, причин-то особых не было. Все вроде нормально. Все хорошо. Да и не только в скуке дело. Тут дело в том, что невозможно объяснить, что это вообще такое. Почему вот так вдруг хочется. Невозможно объяснить, непочему. Вот, понимаете, какая фигня. Скука – это все фигня. Нет, не из-за скуки, если так уж рассудить, а непонятно из-за чего. Просто как-то вот так. Необъяснимо. Если можно так выразиться. Это все непонятно от чего делается. Господин следователь, не ищите каких-то причин. Что-то уже много времени прошло. Или мало. Чувство времени стало каким-то непонятным. Я не понимаю, сколько времени прошло. Я летаю все время над Землей. Могу перемещаться в любое место на Земле. На любой континент. Хочешь, в Уругвай, хочешь, в Новую Зеландию. Все это быстро, мгновенно. И я что-то никуда не улетаю, не перемещаюсь куда-то там, в этот, как его, загробный мир. Летаю над Землей. Посмотрим, как будет дальше. Но пока вот так. Ну ладно, меня, в принципе, все устраивает. Я уже понял, что, скорее всего, будет просто длиться эта бесконечная скука. Может, это такое мне наказание. Все время будет просто скучно, и всё. Господин следователь! Господин следователь! Заканчивайте вы эту вашу байду! Не о чем спрашивать! Ничего не было! Даже, знаете, я вам так скажу, и самоубийства не было, ничего вообще не было. Просто вот не было вообще ничего. Мне сейчас трудно это вам объяснить, но просто вот, знаете... ничего не было. Ничего. И ничего нет и не будет. Да, как-то вот так. *

Ж: Ой... Не припоминаю что-то. Как, вы сказали? Мммм... А, да. Ну, помню, смутно. Да мы встречались один раз, вроде бы, если я не путаю. Вот... знаете, даже не помню. Передавал что-то мне. Или... Нет, не помню.

М: Да, одноклассник мой. Правда, что ли? Ну, вообще! Во как. Жалко. Надо же. Да я про него ничего толком не знаю. Недавно у нас встреча одноклассников была. Никогда он на эти встречи не приходил, и вдруг пришел. Ну, мы поговорили немного. Да так, ни о чем. Ну, где работаешь, то-сё. Сказал, что менеджером работает. Обменялись телефонами, договорились созвониться, встретиться. Ну, конечно, не созванивались. А до этого с самой школы не виделись. Нет, в школе не дружили особо. Да я уж не помню, если честно. Учился хорошо, да.

Ж: Знаете, что-то смутно припоминаю. Да, пересекались по работе. Если я его ни с кем не путаю. Он нам, вроде бы, тексты рекламные писал. Ну это очень давно было. Я его буквально пару раз видела, он за деньгами приезжал. Очень смутно помню. Даже странно, что у него мой телефон сохранился. Какой ужас, ну надо же.

М: Фамилию помню, а кто, что – хоть убей. Нет, не могу вспомнить. А... Да, точно. Вспомнил. Мы с ним в больнице вместе лежали. У меня воспаление легких было. У него? Да не помню я. Да просто обычный парень. Ничего не могу конкретного сказать.

Ж: Совсем не помню его. Ничего не могу о нем сказать.

М: Я его очень смутно помню. Да, был парень такой. Ничего не могу о нем сказать.

Ж: Я ничего не могу о нем сказать.

М: Нет, ничего не могу сказать о нем.

Ж: Ой, я совсем ничего не могу о нем сказать.

М: Не могу о нем ничего сказать.

Ж: Вообще совсем ничего не могу о нем сказать.

М: Я ничего не могу о нем сказать.

Ж: Нет, ну что вы; не могу, не могу ничего сказать о нем.

М: Я ничего не могу о нем сказать.

Ж: Я ничего не могу о нем сказать.

М: Я ничего не могу о нем сказать.

Ж. Я ничего не могу о нем сказать.

Занавес

** Пьеса существует в двух вариантах. Фрагмент, выделенный красным, может присутствовать в спектакле, а может и не присутствовать – на усмотрение постановщика.*

14-23 января 2018 года

Дмитрий Данилов
+7 916 160 05 88
ddanilov@gmail.com